

К 100-летию НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2014.02.001–002. ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. (Сводный реферат).

2014.02.001. ПОСТНИКОВ Н.Д. 1-я армия Ренненкампа: Битва за Восточную Пруссию. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 228 с.

2014.02.002. НЕЛИПОВИЧ С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. – М.: Минувшее, 2013. – 808 с. – Век–XX. (К 100-летию Первой мировой войны).

Ключевые слова: Первая мировая война; первые сражения; Октябрьская кампания 1914 г.

В работах Н.Д. Постникова и С.Г. Нелиповича на основе широкого круга документальных источников анализируются боевые действия начального периода Первой мировой войны. Авторы отмечают, что Верховное командование обеих сторон вело боевые действия с оглядкой на Францию. На Юго-Западном фронте, где, по общему тогдашнему мнению, должен был решиться исход Европейской войны (002, с. 626), Германский Генеральный штаб начал реализовывать план Мольтке-Шлиффена, целью которого был разгром в течение девяти недель Франции, чтобы потом, после переброски войск на восток, нанести поражение России (001, с. 5).

Н.Д. Постников, исследуя одно из важнейших событий начала Первой мировой войны – сражения 1-й русской армии П.К. фон Ренненкампа за Восточную Пруссию в августе 1914 г., пишет, что когда разразилась война, Россия еще не успела завершить мобилизацию своей армии. Тем не менее она начала массированное наступление в Восточной Пруссии (001, с. 5). После первых столкновений с корпусом Г. фон Франсуа под Сталлупененом 1-я армия П.К. Ренненкампа повела наступление двумя колоннами на Гум-

биннен и Гольдап, ослабляя, таким образом, мощь своего удара, расплыла силы. Этим воспользовался командующий 8-й армии генерал М. Притвиц. Имея превосходство в живой силе, он решил дать сражение русской армии под Гумбинненом. По плану немецкого командования наступающие русские войска должны были быть атакованы германской группировкой с центра и флангов и разгромлены (001, с. 35).

Общее настроение, царившее в германской армии, выраженное в дневниках, письмах, мемуарах немецких офицеров и солдат, отражает, по мнению Постникова, ощущение превосходства германской нации над «ордами славянских варваров» (001, с. 212). Именно этим Постников объясняет проведенную немцами психическую атаку в Гумбинненском сражении: «Неустранимость, презрение к “славянским варварам”, величие “рыцарского духа” сыны Германии продемонстрировали, маршируя колоннами на русские позиции, что должно было повергнуть в ужас, по мнению немцев, “трусливые души” славян и обратить их в бегство» (001, с. 44). Но очень скоро германское «высокомерие разбилось о мужество и стойкость русского солдата» (001, с. 45).

Должное исторической победе 1-й армии под Гумбинненом в 1930 г. отдал У. Черчилль: «Очень немногие слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил замечательную роль, которую сыграла эта победа. Немецкая армия была подавлена мощью России» (цит. по: 001, с. 58).

Однако Постников, опираясь на мнение участников событий, считает, что Гумбинненское сражение показало отсутствие полководческого таланта у командующего 1-й русской армией П.К. Ренненкампа. Он не сумел оценить обстановку перед битвой и отдал инициативу немецкому командованию. Более того, П.К. Ренненкампа проявил слабость и безволие в самые решающие, критические минуты сражения (001, с. 59). Он, полагает Постников, допустил совершенно невообразимую для современных армий ситуацию – «подчиненный не исполнил приказ своего командира. Так, Г. Хан Нахичеванский самостоятельно принял решение дать отдохнуть своим войскам и не участвовать в развернувшемся на рассвете 7 (20) августа 1914 г. Гумбинненском сражении» (001, с. 35).

Неисполнение приказа Ханом Нахичеванским дорого стоило 1-й армии. 1-я сводная бригада генерала Н.А. Орановского была

опрокинута противником и отступила, что открывало путь немцам для флангового охвата 1-й армии с севера. Только героизм русской пехоты и профессионализм командиров корпусов и дивизий, прежде всего командиров, офицеров и солдат 3-го корпуса генерала Н.А. Епанчина, позволили разгромить 8-ю немецкую армию и одержать победу под Гумбинненом. Еще более странным, отмечает Постников, является решение П.К. Ренненкампа снять со своего поста после сражения только генерала Н.А. Орановского, в то время как Хан Нахичеванский не только не был снят или предан суду, но и был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Все это показало, «что связи и положение при дворе выше воинского долга, справедливости и памяти тех павших солдат, которые стали жертвами его преступного бездействия» (001, с. 46).

После начала панического отступления немцев с поля боя П.К. Ренненкампф не отдал своевременного приказа о последовательном преследовании ошеломленного противника. В своих воспоминаниях генерал Э. Людендорф, начальник штаба 8-й немецкой армии, признавался, что в те дни боялся армии Ренненкампа, поскольку стоило тому выступить, «и мы были бы разбиты. Но Ренненкампф едва шевелился, и мы одержали блестящую победу» (цит. по: 001, с. 60).

Неубедительны попытки оправдания самого П.К. Ренненкампа, что преследование отступающих германских частей было невозможно из-за усталости войск и растянутости тыловых коммуникаций. По мнению многих очевидцев событий, пишет Постников, П.К. Ренненкампф «не обладал полководческим даром, а значит, не был способен планировать операции в масштабе армии, предугадывать ход боевых действий, глубоко сознавать все последствия принимаемых им решений на развитие дальнейших военно-стратегических событий в масштабах армии и всего Северо-Западного фронта» (001, с. 61).

В итоге началось отступление русских войск, сопровождавшееся бесчинствами немецких мародеров. В письмах немецких офицеров отмечается множество случаев разложения дисциплины в германских частях, что свидетельствовало о том, «как низко пали те немецкие солдаты, грабившие собственных граждан, которых они были призваны защищать» (001, с. 70). И не только своих соотечественников. Факты насилия, грабежа и мародерства приводит

и Нелипович, отмечая, что, по свидетельству очевидцев, бои на Висле нанесли огромный ущерб местному населению. Впрочем, немецкие солдаты вели себя по-разному – «где-то немцы грабили и уничтожали все, что попадалось им под руку» (002, с. 282), а «где-то воздерживались от грабежа и вели себя до известной степени корректно. В ряде губерний не только грабили имущество жителей, но и выпустили из тюрьмы уголовных преступников, продолжавших после ухода немцев грабежи» (002, с. 284).

Проблема мародерства, пишет Постников, существовала и в российской армии, однако командование старалось пресекать такие случаи на корню (001, с. 71). Мародеров ждало суровое наказание вплоть до расстрела.

В тяжелые дни отступления П.К. Ренненкампф должен был проявить все свое умение и характер полководца, чтобы вывести армию из-под удара противника и сохранить боевой дух в войсках. Однако П.К. Ренненкампф был не сильным духом человеком, к тому же утратившим самообладание в сложившейся ситуации. Уже днем 29 августа (11 сентября) он, полностью потеряв управление армией, бросил свой штаб. Лишь самоотверженность и стойкость русских солдат не позволили немцам окончательно уничтожить 1-ю армию (001, с. 117).

Несколько поправили положение, в котором оказались армии Северо-Западного фронта после разгрома в Восточной Пруссии, те сражения, о которых пишет в своей книге военный историк, член Научного совета РГВИА, канд. ист. наук С.Г. Нелипович (002). На основе архивных источников России, Германии, Австрии, Венгрии, Польши он раскрывает ход октябрьских боев 1914 г. на русском театре войны, показывает действия сторон и их замыслы, менявшиеся в ходе операции, отмечает то влияние, которое оказали потери сторон на ход и исход боевых действий.

Книга Нелиповича состоит из двух частей. В первой анализируются действия «главных сил» русских армий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов на Средней Висле против 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий, известные как «Варшавско-Ивангородская операция». По мнению Нелиповича, именно ее анализом при оценке событий октября 1914 г. на русском фронте ограничиваются отечественные историки. Вне поля зрения исследователей

остались бои Галицийской группы армий Юго-Западного фронта (002, с. 3).

Варшавско-Ивангородская операция, отмечает Нелипович, стала крупнейшим боевым столкновением армий Австро-Венгрии, Германии и России на восточноевропейском (русском) театре военных действий в 1914 г. В ходе самой операции центральное место занимала скорее политическая, чем стратегическая цель (002, с. 6).

Против России действовали так называемые «северные армии» австро-венгерских войск. Однако общее руководство осуществляло германское Главное армейское командование и Генеральный штаб. Верховное германское командование рассматривало Варшаву не только как место, где можно было бы окружить и уничтожить массы русских войск, но как политический центр, овладение которым приведет к коренному перелому в ходе войны на Востоке. «Овладение этим крупным политическим центром, важным в военном отношении, сделало бы германские войска хозяевами всего левобережья Вислы, выводило бы их к стратегическим переправам и открывало пути внутрь Российской империи, способствовало бы дестабилизации царской власти в Польше. Именно поэтому целями германского наступления стали и Варшава, и Ивангород» (002, с. 285).

В Ставке Верховного командования России, считает Нелипович, учитывали настроения населения Царства Польского и понимали, что утрата контроля над таким крупным политико-административным и культурным центром Российской империи осложнила бы политическую ситуацию в стране (002, с. 6). Командование армий русского Северо-Западного фронта (генерал от инфантерии Н.В. Рузский) первоначально не намеревалось защищать Варшаву: планировалось оставить город и закрепиться на правом берегу Вислы. Однако командующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов настоял на необходимости удержать Варшаву и использовать ее как плацдарм для перевода нескольких армий на левый берег Вислы и дальнейшего наступления на Берлин по кратчайшему пути – через Познань (Позен). Германское командование этим путем так и не воспользовалось, потеряв драгоценное время (002, с. 7).

С.Г. Нелипович не согласен с выводами ряда исследователей, критикующих действия русского командования. По его мнению,

Н.И. Иванов в анализе Варшавской позиции «как раз сочетал и значение ее для обороны страны, и для наступления, причем и в том, и в другом случае дело шло о действиях, имеющих решающее значение для хода и возможного исхода войны» (002, с. 34).

Первый этап обороны Варшавы отличался отсутствием четких планов действий, большим разбросом сил и средств, введением в бой войск по частям и на широком фронте (002, с. 87). Утомление войск переходами по бездорожью, отставание тылов, начавший сказываться «снарядный голод» – все это способствовало раздроблению действий русских войск. Тем не менее после неудачного тактически, но оправданного стратегически прикрытия Средней Вислы авангардами своих войск, оперативная инициатива перешла к русской армии (002, с. 290).

Варшавско-Ивангородская операция, подчеркивает Нелипович, остается одной из самых ярких страниц Первой мировой войны. В ее ходе проявились лучшие способности и солдат, и командиров. Именно в октябре 1914 г. (и никогда больше) русской Ставке удалось добиться единства действий армий всех фронтов. Достиг вершины полководческий талант удачно взаимодействовавших командующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова и его начштаба М.В. Алексеева, которые, начав операцию как обороняющаяся сторона, заставили П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа позабыть о наступательных действиях. Однако главным было героическое упорство 2-й русской армии в обороне. Исход операции воодушевил русские войска. «Психологическая боязнь “немца”, порожденная катастрофой в Восточной Пруссии, уступила место уверенности в силах, во многом даже переходящей в самоуверенность» (002, с. 290).

Офицерский корпус русской армии вел себя по-разному. Командиры полков и батальонов в критические моменты показывали чудеса хладнокровия и распорядительности. 64 генерала и 157 старших офицеров (14 посмертно) были удостоены за Варшавское сражение Георгиевских наград (002, с. 288). Но многие командиры (особенно корпусов и дивизий) зачастую не только теряли связь со своими войсками, но и не понимали обстановки. Было много примеров безрассудной беспечности. Охватившая официальные русские круги эйфория вскоре привела, по мнению Нелиповича, к тому, что Гинденбург и Людендорф уже 5 ноября нового

стиля начали новое наступление – Лодзинскую операцию, которая окончилась поражением русских войск (002, с. 291).

Вторая часть книги посвящена донныне неизвестной российскому читателю операции Галицийской группы армий Юго-Западного фронта против главных австро-венгерских сил с середины сентября по третью декаду октября 1914 г. (по новому стилю с конца сентября по 5–7 ноября). В западной литературе о ней вспоминают как об «аде на Сане». Историки российской военной эмиграции называли эти сражения «Второй Галицийской битвой». Однако как в русской эмигрантской среде, так и в трудах историков Австрии, Венгрии и Германии, кроме глав в общих исследованиях или эпизодов полковых историй изучение этого военного эпизода дальше так и не пошло, при всем осознании важности «октябрьских боев» 1914 г.

При оценке событий, подчеркивает автор, надо иметь в виду, что обе операции были тесно связаны. Успех русских войск на Средней Висле – у Варшавы и Ивангорода – во многом решил судьбу сражений на Сане и в Карпатах. Но и без существенных усилий армий Галицийской группы русская победа на Средней Висле была бы невозможной либо сомнительной: прорыв австро-венгров ко Львову или за реку Сан нарушал бы весь порядок армий Юго-Западного фронта. Это прекрасно понимали и Н.И. Иванов, и М.В. Алексеев, и Ставка. Поэтому в ходе операции только в 8-ю армию и были направлены все имеющиеся резервы Российской империи (002, с. 626–627).

Под давлением верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича для обороны этого участка фронта и прикрытия действий на Висле была создана Галицийская группа под командованием генерала от кавалерии А.А. Брусилова (002, с. 636). Глубокий анализ обстановки, сделанный М.В. Алексеевым, базировался прежде всего на данных о численном составе и усталости войск, испытавших все тяготы окопной и горной войны в условиях осенней распутицы и начинавшейся зимней непогоды, при резком падении уровня боевого снабжения и подготовки пополнения (002, с. 626).

Первым этапом операции противника стала деблокада Пшемышля (Перемышля), окруженного, а затем неудачно атакованного вновь созданной русской Блокадной (11-й) армией. К 28–29 сен-

тября (11–12 октября) Пшемысль был деблокирован, а русские армии отступили за линию реки Сан и Карпатский хребет. Отступление в тяжелых погодных условиях было проведено образцово; наступавшие австро-венгерские войска испытывали большие трудности в снабжении, особенно артиллерийских снарядов, что оказало влияние на исход операции. На рубеже Сана наступление противника выдохлось. Примерно к этому же времени на левом берегу Вислы германские войска также достигли пределов своих наступательных возможностей (002, с. 627).

Второй этап операции в Восточной Галиции характеризуется автором как борьба за инициативу. Здесь обе стороны бросали в бой все новые соединения, взаимно истощая друг друга в упорных позиционных боях. Ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха, оба командующих (С. Бороевич и А.А. Брусилов) видели решение только в наступлении, даже не стремясь вязкой обороной сперва обескровить врага, а уже затем, создав сильный резерв, пойти на прорыв позиций. Впервые на восточноевропейском театре военных действий шла позиционная война. К 7–8 (20–21) октября наступательный пыл австро-венгерских войска иссяк (002, с. 628). К исходу 7 (20) октября на всем фронте вдоль реки Сан борьба за преодоление водной преграды окончилась значительным успехом русских войска под командованием генерала Радко-Дмитриева (002, с. 363).

Третий этап операции связан с попытками обеих сторон переломить ход боев в свою пользу. От устья Сана до окрестностей Самбора бои носили позиционный характер. Однако в это время на действия австро-венгерских армий все больше начинает влиять их поражение у Ивангорода и начавшееся 13 (26) октября отступление севернее Вислы (002, с. 628).

Заключительный период операции связан с действиями русских войска по овладению низовьями Сана, чем создавалась угроза левому флангу 4-й армии эрцгерцога Й. Фердинанда; в борьбу на Сане вступала группа Н.Ф. Крузенштерна из 9-й армии. Австро-венгерское Главное армейское командование готовило планомерное отступление к Кракову и за Карпатский хребет, которое началось 4–5 ноября нового стиля (002, с. 639).

Наиболее выдающимися Нелипович признает действия 3-й армии генерала Радко-Дмитриева на Сане и генерала А.А. Брусилова.

«Русские полководцы смогли обеспечить на решающем для себя участке фронта весомое превосходство в силах, сосредоточив на Средней Висле в короткий срок более полумиллиона бойцов и более 3300 орудий – “молот” против армии Гинденбурга. В то же время и Галицийская группа, игравшая роль “наковальни”, получила все имеющиеся на фронте резервы и большинство маршевых пополнений для сдерживания натиска врага, а ведь поначалу она уступала в силах австро-венгерским армиям» (002, с. 640).

Причинами победы стали и лучшая выучка русских солдат и офицеров по сравнению с австро-венгерскими, и хорошо налаженное пополнение и снабжение войск, и стратегическая и тактическая смелость русских полководцев. Тандем командующего армиями Юго-Западного фронта Иванова и его начштаба Алексеева по всем статьям переиграл Гинденбурга и Людендорфа. Русское Верховное главнокомандование в лице вел. кн. Николая Николаевича и его начальника штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Янушкевича наладило надежное взаимодействие между армиями Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, также во многом определившее русский успех. Такого взаимодействия между Гинденбургом и австро-венгерским Армейским Главнокомандованием (Ф. Конрад фон Хётцендорф) достигнуто не было: союзники более преуспели во взаимных обидах и упреках (002, с. 640). Русских военачальников «отличали более взвешенные, гибкие и продуманные решения, особенно на уровне командиров корпусов и начальников дивизий, а также командиров полков» (002, с. 632).

Готовя наступление в тяжелых погодных и географических условиях, австро-венгерское командование не озаботилось созданием запасов снабжения, подготовкой запасных (вместо разрушенных) путей сообщения. Seriously повлияла на ход боевых действий нехватка артиллерийских снарядов, главным образом для легкой артиллерии, на которую ложилась главная тяжесть борьбы. Наступавшая пехота в силу этого часто оставалась без артиллерийской поддержки, несла напрасные потери.

Генералы С. Бороевич и Э. фон Бём-Эрмолли бросали почти без всякого маневра прибывающие подкрепления в бой там, где сражающиеся войска уже были совершенно обескровлены. При этом австро-венгерские подкрепления состояли из маршевых, этапных или ландштурменных (ополченских) формирований. «С. Бо-

роевич при этом даже не подумал использовать свои левофланговые части для удара на правом берегу Сана в северном направлении, в стык флангов русских 3-й и 11-й армий. В 4-й армии эрцгерцог Йозеф Фердинанд действовал главным образом путем создания ударных групп почти из одних и тех же частей, отличавшихся самой высокой боеспособностью. Эта тактика привела к потере времени на марши по осеннему бездорожью и к полному обескровливанию ударных формирований. Мешало командующим армиями и мелочное вмешательство во все вопросы оперативной работы Армейского главного командования» (002, с. 630).

Говоря об объективных причинах победы русских и поражения австро-венгерских армий в операции, Нелипович отмечает и моральный фактор. Дело, по его мнению, «не только и не столько в многонациональности императорско-королевских войск – российские вооруженные силы также были многонациональными. Но со стороны противника “оглядка” на Германию, способную решить исход войны на главном фронте, была куда больше, чем в России на Францию. С русской стороны уверенность в скором и успешном окончании войны была еще намного сильнее» (002, с. 633).

Тем не менее среди рядового состава армий обоих противников стали наблюдаться растущие антивоенные настроения. «Солдаты первыми поняли, что война будет длиться долго. С одной стороны, это вело к росту жесточенности в боях. С другой стороны, участились случаи “отставания” от частей на марше. Во время отступления русских войск от Карпатского хребта и к Сану в некоторых дивизиях число отставших солдат достигало тысячи человек. Та же картина наблюдалась во время наступления австро-венгерских войск. В период позиционных боев в русских полках начались “самострелы” – незначительные ранения, главным образом в кисть левой руки» (002, с. 633).

Как Варшавско-Ивангородская операция так и ее составная часть – Октябрьская операция в Галиции породили не только у русского командования, но и среди некоторых слоев общества Российской империи надежду на скорую победу. Именно с октября 1914 г. появились первые «прожекты» послевоенного передела мира. Благоприятный для русской армии исход этих боев стал темой многих агитационных плакатов, лубочных картинок, куплетов (например, В. Маяковского). Они отразились также в рассказах

К. Паустовского и М. Слонимского (последний непосредственно участвовал в боях в составе 6-го Сибирского стрелкового полка) (002, с. 290, 634).

Однако «без внимания остались высокие потери, небрежность офицеров среднего и высшего командного звена» (002, с. 290). Особенно существенными были потери в офицерском составе, был выбит и кадровый довоенный состав войск. Ротами к концу «октябрьских боев» командовали подпрапорщики и иной раз унтер-офицеры, батальонами – подпоручики и прапорщики, полками – капитаны. Пополнение приходило недостаточно обученное, а то и вовсе незнакомое с современной войной. А.А. Брусилов позднее писал: «Это сражение под Перемышлем, непрерывно длившееся в течение месяца, было последнее, о котором я мог сказать, что я давал сражение с регулярно обученной армией, подготовленной в мирное время. С этого времени регулярный характер войск был утрачен, и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милиционное войско» (цит. по: 002, с. 632).

В целом итоги операции как для русских, так и для австро-венгерских войск были гораздо тяжелее, чем для германской армии Восточного фронта. Для австро-венгерских войск бои в Галиции стали первой операцией, в которой сражались главным образом резервисты и ополченцы, прошедшие лишь небольшой курс подготовки. Сохранить кадры удалось только германским войскам; в ноябре они получили первое пополнение (002, с. 631). Поэтому германские армии оказались способны на активные действия вплоть до конца 1914 г., хотя и не столь широким фронтом, а австро-венгерские войска еле остановили русский натиск у Кракова и в Бескидах и только в декабре смогли перейти в наступление с весьма ограниченным результатом.

Русское же верховное командование не вняло мнению М.В. Алексеева и продолжило активные операции, которые до конца 1914 г. не принесли решающего успеха и снова были сопряжены с тяжелыми потерями, заставившими уже в середине ноября запланировать внеочередной призыв более молодых возрастов военнообязанных и более старых – ратников ополчения (002, с. 641).

Участники боев с обеих сторон высоко оценивали приобретенный боевой опыт. Октябрьская кампания 1914 г., считает Нели-

пович, «останется в истории примером стойкости рядового солдата, его готовности к перенесению невероятных тягот и лишения...» (002, с. 634).

В.С. Коновалов

2014.02.003. РЕЙНОЛЬДС М.А. ГИБЕЛЬ ИМПЕРИЙ: СТОЛКНОВЕНИЕ И КРАХ ОСМАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ, 1908–1918 гг.

REYNOLDS M.A. Shattering empires: The clash and collapse of the Ottoman and Russian empires, 1908–1918. – Cambridge: Univ. press, 2011. – 303 p.

Ключевые слова: Османская империя; Российская империя; Первая мировая война; геополитическая конкуренция; трансформация глобального миропорядка; крах империй.

В работе Майкла Рейнольдса (Принстонский университет) анализируется противостояние России и Османской империи в начале XX столетия, обусловленное столкновением их интересов в пограничных областях – на Кавказе и в Анатолии, и ставшее завершением длительной истории их противоборства. Книга, состоящая из введения, восьми глав и послесловия, посвящена истории соперничества Российской и Османской империй начиная с Младотурецкой революции 23 июля 1908 г. и заканчивая периодом Первой мировой войны. Вопреки распространенным представлениям о том, что противостояние России и Турции было обусловлено «конфликтом национализмов», Рейнольдс рассматривает их столкновение как результат геополитической конкуренции в условиях кардинальной трансформации глобального миропорядка. Несмотря на то что силы этих двух империй были далеко не равными, ни одна из них не одержала победы в этой борьбе. Парадоксальным образом, по мнению автора монографии, инстинкт самосохранения привел эти империи к краху. Боязнь распада империи подвигла младотурецкую элиту на разрушение традиционного имперского порядка в своей державе; стремление же России максимально обезопасить свои южные рубежи побуждало ее стремиться к дальнейшему расширению государственной территории, ресурсов для которого уже не было, и тем самым приближать гибель империи. Противостояние разрушало эти две империи; они, в свою очередь,